

Российская академия наук
Уральское отделение
Коми научный центр
Институт языка, литературы и истории

И.Л.Жеребцов, Е.Н.Рожкин

**МИГРАЦИИ
И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
ФОРМИРОВАНИЯ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО
НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КОМИ
(ДО НАЧАЛА XX ВЕКА)**

Сыктывкар 2001

УДК 390(945.32)

И.Л.Жеребцов, Е.Н.Рожкин. **МИГРАЦИИ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КОМИ (ДО НАЧАЛА XX ВЕКА).** Сыктывкар, 2001. 40 с.

Рассмотрена роль миграционных процессов в формировании этнического состава населения Коми края в XI – начале XX века, предложена периодизация процесса вселения инонациональных (некоми) переселенцев в регион, отмечено, что в ходе переселений складывались исторические предпосылки формирования многонационального населения современной Республики Коми.

I.L.Sherebzov, Je.N.Roshkin. **MIGRATIONEN UND HISTORISCHE VORAUSSETZUNGEN DER FORMIERUNG DER MULTINATIONALEN BEVÖLKERUNG DER REPUBLIK DER KOMI (BIS ZU ANFANG DES XX. Jhs.).** Syktyvkar, 2001. 40 S.

In der vorliegenden Arbeit wird die Rolle der Migrationsprozesse in der Bildung der ethnischen Bevölkerung des Komi Gebietes im XI. – Anfang des XX. Jhs. betrachtet, und die Periodisierung des Ansiedlungsprozesses der inonationalen (nicht Komi) Übersiedler in die Region vorgeschlagen. Es wird hervorgehoben, dass infolge der Übersiedlungen die historischen Voraussetzungen der Formierung der multinationalen Bevölkerung der gegenwärtigen Republik der Komi entstanden sind.

Работа подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 01-06-96028)

Ответственный редактор д.э.н., проф. В.В.Фаузер

Рецензент д.и.н., проф. В.А.Семенов

ISBN

© И.Л.Жеребцов, Е.Н.Рожкин, 2001
© Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра Уральского
отделения Российской АН, 2001

ВВЕДЕНИЕ

Народ коми сформировался на рубеже I и II тысячелетий н. э., в X – XI веках. Сегодня преодолен новый рубеж тысячелетий; можно сказать, что исполнилось тысячелетие существования коми народа. Вот уже десять веков коми живут на северо-востоке европейской России, осваивая природные богатства этого сурового края. А уже в XII в. сюда стали переселяться и русские, ставившие свои избы по соседству с коми керками. С тех пор эти народы живут бок о бок в мире и согласии – по крайней мере, исторические документы не сохранили ни одного упоминания о каком-либо конфликте в крае на национальной почве.

Хорошо известно, что при возрастании роли и места какого-либо современного явления соответственно возрастают роль и место истории этого явления. В настоящее время огромное внимание вызывают этнические и демографические процессы в различных российских регионах. Неудивителен поэтому и растущий интерес к этнодемографической проблематике. В полной мере это относится к Республике Коми, Коми краю, по мере заселения и хозяйственного освоения территории которого здесь формировались своеобразные группы местного коми и русского населения, имеющие значительные отличительные черты в духовной и материальной культуре.

Изучение этнодемографических процессов играет существенную роль для исследования всех аспектов истории и современного состояния каждого народа или региона, для прогнозирования условий его дальнейшего развития, поскольку движение и состав населения оказывают огромное воздействие на экономическую, социальную, политическую и культурную сферы. Чрезвычайно важным является, в частности, выявление общности и своеобразия этнодемографического развития различных российских регионов, истории их заселения и хозяйственного освоения. Особенно важным является совместное исследование этой проблемы, изучение исторического опыта развития этнических и демографических процессов учеными различных специальностей и специалистами-практиками.

К настоящему времени историками, демографами, этнологами и археологами собран и обобщен значительный материал о различных аспектах этнических и демографических процессов, протекавших на Европейском Северо-Востоке [2; 5; 17–34; 45; 46; 51; 52; 75–78; 86]. Накопленные исследователями данные позволяют предпринять в данной работе, подготовленной при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант №01-06-96028), попытку обобщения имеющихся материалов для выявления исторических предпосылок формирования многонационального населения Республики Коми, роли миграций в этом процессе. Авторы опирались на комплекс архивных и опубликованных источников, среди которых писцовые,

переписные и дозорные книги, ревизские сказки, летописи, переписи населения, списки волостей и населенных мест, сельскохозяйственные переписи и некоторые другие материалы.

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РУССКИХ МИГРАЦИЙ НА ЕВРОПЕЙСКИЙ СЕВЕРО-ВОСТОК (XI – СЕРЕДИНА XV ВЕКА)

Миграции – неотъемлемая черта развития населения Коми края с древнейших времен. Даже само «рождение» коми народа было тесно связано с миграциями. В формировании древних коми участвовали две основные этнические группы, родственные между собой – население Европейского Северо-Востока (принадлежавшее к так называемой ванвиздинской археологической культуре позднего железного века) и переселенцы из Прикамья, небольшие группы которых постепенно, в течение нескольких столетий продвигались в бассейн Вычегды, взаимодействуя с местными жителями и принося с собой навыки земледелия и скотоводства. Вероятно, эти переселения начались в VIII столетии, когда потеплевший климат (малый климатический оптимум [6, с. 23-25.]) сделал природные условия Севера более пригодными для живших южнее земледельцев и животноводов. Ученые не пришли к единому мнению о том, какая из этих групп сыграла основную роль в формировании народа коми [См.: 2; 33; 52; 75; 78], но важное (хотя, возможно, и не решающее) значение миграций в этом процессе несомненно.

Первоначально коми обитали не только в пределах современной Республики Коми (на Вычегде, Выми, Вишере, Сыsole, Лузе; на Вашке, Мезени и Печоре коми поселения появились позднее), но и западнее. Бок о бок с коми издревле обитали ненцы, ханты и манси. К рубежу I и II тысячелетий н. э. относятся и первые летописные известия о появлении на Европейском Северо-Востоке русских.

Первыми ступили в этот отделенный уголок Европы новгородцы, обложившие местное население данью. В «Повести временных лет», выдающемся памятнике русской письменности начала XII в., приведен рассказ новгородца Гюраты Роговича, который в конце XI в. «послах отрок свои в Печеру люди, иже суть дань дающе Новгороду». «Повесть временных лет» называет древних коми, именовавшихся тогда «пермью», «пермянами», среди народов, «иже дань дают Руси» [68; 75, с. 148]. Поначалу русские появлялись в этих краях лишь изредка, и собрав дань, возвращались в далекий Новгород. Но уже в конце XII столетия в Коми крае возникли первые русские поселения, являвшиеся сначала опорными пунктами сборщиков дани, а со временем ставшие торгово-ремесленными поселениями и военно-административными центрами. В их числе были Карыбйвское городище на нижней Вычегде и Пожегское на Выми – единственное сравнительно крупное городище в Коми крае, являвшееся русским военно-административным и ремесленно-торговым центром [79, с. 29-30].

Постепенно нарастала и вольнонародная колонизация Севера. Русские земледельцы стремились уйти подальше от тяжелой княжеской длани и нередких межкняжеских военных конфликтов, туда, где имелись

свободные земли, пригодные под пашню. В XI – начале XII вв. в бассейне Северной Двины, в западной его части, не занятой древними коми (низовья Северной Двины, верхняя Сухона) появились первые русские переселенцы, но массового притока выходцев с Руси в земли древних коми не было. Миграции русских на Сухону, Юг, Устью и Сев. Двину осуществлялись по двум направлениям. С северо-запада, из Заонежья, продвигались новгородцы, уже в I половине XII в. основавшие ряд населенных пунктов на нижней Сев. Двине, Ваге и верхней Сухоне, затем появившиеся на нижней Пинеге и Мезени. С юго-запада в район рек Устьи, Кокшенги, нижней Сухоны и Юга переселялись жители Ростова-Суздальского княжества [59, с. 101-109, 189].

С годами приток русских крестьян в бассейн Северной Двины усиливался. Этому способствовал более теплый климат первой половины II тысячелетия н. э. (малый климатический оптимум), благоприятствовавший развитию на Севере земледелия. В конце XII в. древнерусская колонизация европейского Севера и земель, населенных коми народом, значительно усилилась. Если в Вычегодско-Вымском крае возникновение городищ не сопровождалось массовыми крестьянскими переселениями, то на западной окраине территории расселения коми складывалась иная ситуация. Особенно большое значение имело основание в конце XII – начале XIII вв. Гледеня и Устюга, сыгравших огромную роль в присоединении к Русскому государству земель по Малой Северной Двине, Югу, нижней Сухоне, Лузе и низовьям Вычегды Гледень, а затем Устюг стали опорными пунктами, вокруг которых началась русская земледельческая колонизация, со временем охватившая все вышеназванные районы. В XIII–XIV вв. русские переселенцы начали постепенную колонизацию низовьев Лузы, а в последних десятилетиях XIV в., после успешной миссии Стефана и образования в 1383 г. Пермской епархии с центром в Усть-Выми – и низовьев Вычегды, где жили коми [13; 33, с. 26]. Но в более отдаленных от русских княжеств районах Коми края переселенцев с Руси было очень мало или не было вовсе.

В XIV в. быстро выросло и окрепло Московское княжество. В 1333 г. московский князь Иван Калита взял в свои руки сбор дани для Золотой Орды (так называемый “черный бор” или “черный выход”) с населения Европейского Северо-Востока. В 1363-1364 гг. Дмитрий Иванович (будущий Донской) “взверже гнев на князя на ростовского Костентина и взял от тово... Устюг и пермские места Устюгские” [13; 63]. Московские князья стали постепенно вытеснять новгородцев с северо-востока. Упомянувшееся выше учреждение Пермской епархии, появление в Коми крае наместников великого князя Московского в 1451 г., разгром Новгорода московскими войсками в 1470-х гг. и, наконец, проведение в Коми крае первого описания земель и населения 1481 г. – вот основные вехи этого процесса [10; 13; 33].

ИНТЕНСИВНЫЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ МИГРАЦИИ РУССКИХ И ФОРМИРОВАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ КОМИ КРАЯ В КОНЦЕ XV – XVI ВЕКАХ

С закреплением Коми края в составе Русского государства территория расселения коми народа перестала быть ареной разорительной для населения борьбы между княжествами (феодалная война середины XV в., сказавшаяся и на жителях Европейского Северо-Востока и сопровождавшаяся разрушениями населенных пунктов, убийствами и уводом в плен их обитателей [41; 63, с. 61], несомненно, тормозила процесс русского земледельческого освоения региона), оказалась более надежно защищена от нападений соседних северо-восточных племен. Расширились и возможности русской земледельческой колонизации Европейского Северо-Востока. С конца XV в. в Восточное Поморье, т.е. на территорию Коми края и в соседние районы, направлялся основной поток переселявшихся из различных регионов страны русских крестьян. Переселения вызывались социально-экономическими изменениями, происходившими в Русском государстве. Во-первых, это рост крупного землевладения, сопровождавшийся усилением крепостничества, когда, по словам П.А.Колесникова, вместе с укреплением феодального способа производства и ростом крепостнических отношений возрастало бегство крестьян из центральных районов страны на Север, свободный от феодалов [43, с. 79]. Кроме того, на восток (на Вычегду, Лузу, в бассейн Мезени, на Печору) стали переселяться жители ранее освоенного Подвинья, где начала ощущаться нехватка пахотных земель. Кроме того, в XVI в. проявилось расслоение северного крестьянства (особенно явственно обозначившееся в XVII столетии): часть жителей нищала, лишалась земли и угодий, переходивших к более зажиточным односельчанам, и вынуждена была покинуть родные места, чтобы искать счастья в других районах, и, в частности, в соседнем Коми крае [44, с. 233, 237; 69, с. 57, 70].

Конечно, этот процесс происходил в непростых условиях – как с точки зрения экономического, так и с точки зрения этносоциального развития коми. В это время началось формирование первых этнографических групп коми, происходившее в условиях активизировавшихся миграций и, в частности, усилившегося притока русских переселенцев. В XV в. пермяне заселяли Вычегду до устья Выми, Вымь, Вашку, Сысолу, Лузу и Вишеру. Верхняя Мезень, Летка и Вычегда (начиная с Усть-Сысольского района и вверх по течению) не были заселены, но, вероятно, частично использовались в качестве промысловых угодий. В этот период у коми завершался процесс формирования территориально-соседских общин. Распад родоплеменных отношений имел здесь своеобразные черты. Л.П.Лашук отметил, что в Коми крае в ходе указанного процесса первоначально сложились территориально-племенные объединения, являвшиеся промежуточными звеньями между племенами отмиравшего

родового строя и будущими соседскими общинами. Они представляли собой тип этнической общности, который характеризовался собственным именем и диалектом, общностью территории, хозяйственно-экономических связей и культурно-бытового уклада. Друг от друга общности отличались по культурно-бытовым особенностям, хозяйству и диалектными отличиями языка [52]. Мнение Л.П.Лашука было поддержано другими исследователями [33, с. 35].

На вышеперечисленных землях существовало восемь территориально-племенных объединений. Пермские вымские жили на р. Вымь, пермские нижневыхгодские – на р. Вычегде (от устья Выми до низовьев Вычегды), сысольские зыряне (или сырьяне) – на средней и нижней Сыsole, сиряне ужговские – на верхней Сыsole и верхней Каме (позднее, в конце XVI в., территория по верхней Каме обособилась от Сысолы, и там сложилась своеобразная группа зюздинских коми-пермяков, очень близкая по языку и культуре современному коми населению верхней Сысолы). На р. Лузе жили пермские лузские (Лузская Пермца), на р. Виляди (приток Вычегды) – пермские вилегодские (Вилегодская Пермца), на р. Вашке (Удоре) – пермские удорские, на реках Пинеге и, возможно, Немьюге (приток р. Кулой) – пермские пинежские [33; 52].

В XV–XVI вв. в немалой степени под социально-экономическим влиянием феодальной Руси в Коми крае шла модернизация. Производящие отрасли хозяйства (земледелие, животноводство) занимали все большее место в экономике региона, значение присваивающих (охота, рыболовство) постепенно несколько ослабевало, и это в условиях менявшегося к худшему климата [7; 8] имело весьма неожиданные последствия (см. ниже). Развивались и упрочивались территориально-соседские связи, произошел окончательный переход от родового строя к раннеклассовому обществу. К концу XVI в. на смену территориально-племенным объединениям окончательно пришли территориальные, “земляческие” союзы различной величины. Одни объединяли несколько близлежащих селений в рамках одного погоста или волостки, другие включали в себя целую группу таких погостов и волосток и именовались землями или волостями; территории земель-волостей в основном совпадали с территориями предшествовавших территориально-племенных объединений. Это было начальным этапом формирования народности коми [33; 52].

Названные выше территориально-племенные объединения стали основой для формирования этнографических групп коми, отличающихся друг от друга своеобразными чертами некоторых элементов традиционной культуры (орнамента, хозяйственных занятий, одежды и др.). К числу первых возникших этнографических групп принадлежат вымичи, нижневыхгодцы, прилузские коми. Существенную роль в их формировании сыграли этнокультурные контакты между коми и другими народами.

У прилузцев (пермяки, затем лузсаяс) наряду с контактами с русскими переселенцами прослеживаются связи с удмуртами и марийцами. В лузско-летском диалекте обнаруживаются марийские заимствования. Определенная близость с марийцами выявляется в отдельных элементах материальной культуры – в женских головных уборах, в особенностях украшения одежды. Л.Н.Жеребцов отмечает в качестве хозяйственно-культурной специфики прилузцев более развитое по сравнению с другими группами коми земледелие, наличие льноводства, свиноводства, некоторых видов промыслов, своеобразных жилых и хозяйственных построек, особых форм одежды, орнамента и др. Среди прилузских коми распространен вятско-камский сублапоноидный антропологический тип [34; 36; 52].

Нижевычегодская (эжватас) и вымская (емватас) группы довольно близки между собой. Как отмечают исследователи, их этнографическая специфика складывалась в результате взаимодействия двух факторов: во-первых наличия устойчивого постоянного ядра и во-вторых, прилива смешанных (русско-пермские, вепско-пермские и другие сочетания) и однопациональных (русских) пришельцев. Результатом этого явились особые диалекты, большое количество различных заимствований в материальной и духовной культуре (славянские пахотные орудия, северно-великорусская планировка и типы жилища, русские элементы в свадебной обрядности и т.п.), значительная европеоидность этих коми (здесь распространен восточно-балтийский антропологический тип).

Вероятно, нижевычегодские коми включили в себя наибольший по сравнению с другими группами русский компонент, поскольку на нижнюю Вычегду приходила основная масса русских переселенцев. В диалекте нижевычегодцев присутствуют значительные вепские и русские заимствования; вероятно, что под влиянием западно-финских и русского языков произошел переход нижевычегодцев с эл-ового говора в вз-овый [33; 34; 52; 84].

Стоит отметить, что значительная часть нижевычегодских коми в XV–XVI вв. проживала ниже Межога, т.е. западнее современной этнической границы между коми и русскими. Но доля последних в населении Нижней Вычегды, вероятно, постоянно росла, в том числе и за счет притока сюда переселенцев с Двины и других районов Русского Севера. Хотя еще в XVII – начале XVIII в. коми компонент имелся практически во всех вычегодских волостях Яренского уезда, расположенных вне границ современной Республики Коми [20], но большинство местного населения составили русские. Об этом говорит, в частности, существенно большая распространенность в этом районе русских фамилий по сравнению с коми. Показателен и такой факт: в 1646 г. в д. Зайва Ошлапецкой волости жил И.Зыренин [15, с. 62]. Сам он, как следует из его прозвища, был коми-зырянин. Но ясно, что он получил его от местного русского населения и что возникновение такого прозвища не может не указывать на относительную малочисленность коми в данной

местности, в противном случае принадлежность к коми этносу не была бы отличительной чертой, по которой давалось прозвище.

Учитывая все сказанное, следует согласиться с предположением Л.Н.Жеребцова относительно того, что коми население Вычегды ниже Межого к рубежу XVI—XVII вв. “исчезает как этническая группа” [33, с. 84], т.е. как общность людей с присущими ей своеобразными чертами культурно-бытового и хозяйственного укладов жизни и единой территорией расселения. Но тем не менее можно говорить о наличии отдельных более или менее многочисленных представителей народа коми (причем различных его локальных групп – как нижневычегодской, так и удорской и т.д. [20, с. 35-41]), живших на Вычегде западнее современной коми-русской этнической границы и рассеянных среди численно превосходившего русского населения.

Формирование прилузской, нижневычегодской и вымской этнографических групп в основном завершилось в XV-XVI вв. Тогда же сложилась небольшая локальная группа вишерских коми (висерса), видимо, близкородственных вымским коми (не случайно в грамоте 1490 г. отмечалось, что Вишера – “Вымской же земли место”), но позднее вошедшая в состав верхневычегодских коми [14; 33; 34; 45].

Среди первых этнографических групп коми Л.Н.Жеребцов называет также сысолецев (сыктылсаяс), сложившихся на основе двух территориально-племенных объединений: сысольских зырян и ужговских сирян. Однако следует иметь в виду, что в XV-XVI вв. между этими объединениями, вероятно, еще оставались значительные различия, обусловленные, в частности, территориальной отдаленностью друг от друга (довольно значительное пространство между среднесысольскими и верхнесысольскими селениями оставалось незаселенным и стало постепенно осваиваться только в XVII в.) и разной административной принадлежностью (средняя и нижняя Сысола входила в Сысольскую землю, а верхняя Сысола вместе с Верхокамьем составляла Ужгинскую волость). Возможно, к XV-XVI вв. нужно относить только начальный период формирования этнографической группы сысольцев, а завершился этот процесс уже в XVII или даже XVIII в. Не случайно до настоящего времени сохранились отдельные среднесысольский и верхнесысольский диалекты коми языка (верхнесысольский диалект имеет сходные черты с зюздинским и коми-пермяцким).

Сысольская этнографическая группа в материальной культуре обнаруживает устойчивые связи с коми-пермяками (живущими на р. Каме в ее верхнем течении) и зюздинцами. По антропологическим признакам сысольцы относятся к вятско-камскому сублапаноидному типу, так же как коми-пермяки и зюздинцы [33–35; 52; 87]. На своем диалекте говорят и жители низовьев Сысолы. Заселение устья р. Сысолы началось, вероятно, в первой половине XVI в. О наличии некоторого количества русских среди первопоселенцев этого района могут свидетельствовать названия двух

починков – Зеленец и Другой Зеленец, – упомянутых в писцовой книге 1585 – 1586 гг. [37; 38, с. 483]. Эти названия происходят от русского географического термина “зеленец”, т.е. “островок, где нет ни пашни, ни косовицы”.

На р. Вашке в XV – XVI вв. формировалась этнографическая группа удорских коми (удораса). Она сложилась в результате слияния переселившихся сюда еще в XIII в. нижневычегодских пермян (и, возможно, выходцев из более западных районов расселения древних коми, в частности, с Пинеги) с представителями прибалтийско-финских народов (вепсов, карел и возможно, еще каких-то родственных им) и включения русского компонента. Поэтому удорцы отличаются рядом специфических черт. Исследователи указывают на распространение только в этом районе Коми края яркого европеоидного беломорского антропологического типа и на наличие карело-вепсских заимствований в удорском диалекте [29; 87]. Формирование удорской группы потребовало более долгого, чем у прилузцев, нижневычегодцев и вымичей, времени в связи с освоением верхней Мезени, где селения появились в середине XVI в. Среди первых жителей главного из них, Глотовой слободки (совр. село Глотова), известной с 1554 г., были коми с Выми и русские; по мнению этнографа Л.П.Лашука, название свое слободка получила по фамилии своего основателя – русского крестьянина Глотова. Наличие русского компонента в составе первопоселенцев стало одним из элементов, обусловивших культурное своеобразие глотовской группы коми, позднее слившейся с удорцами [29; 52]. Средняя Мезень (выше устья Вашки и до современных границ Республики коми) и нижняя Вашка (севернее нынешнего рубежа республики) в конце XV–XVI в. были заселены русскими, с которыми постепенно смешались коми обитатели нижневашкинских селений. В этот же период русские стали большинством населения на соседней Пинеге.

В Печорском крае оседлого населения долгое время не было. Лишь на рубеже XV –XVI в. в низовьях Печоры появились русские и коми. В 1499 г. “повелев князь великий Иван воеводам своим князю Петру Ушатому да князю Семену Курбскому да Василью Бражнику” с войском идти на Печору. В низовьях Печоры, близ современного г. Нарьян-Мара, “на Пусту” был построен укрепленный городок Пустозерск, ставший опорным пунктом Русского государства на крайнем Северо-Востоке Европы. Среди его строителей и первых обитателей были русские и коми (вычегжане, вымичи, сысоличи”) [14, с. 264; ПСРЛ, 68, с. 51, 98.]. Так в низовьях Печоры возникла значительная группа пустозерских коми, изначально жившая вместе с русскими.

Численность пустозерцев быстро выросла. В 1575 г. там насчитывалось “русских и пермяцких 144 двора, а людей в них русаков и пермяков 282 чел.” (имелись в виду только взрослые мужчины). Поселившиеся буквально на краю света выходцы из Пскова, Вологды и других мест обживали местность, заводили хозяйство: “А се угодыя

Пустозерские волости жилцов, русаков и пермяков, всей волости, реки и речки и тони и озера... да их же угодя на морском берегу, ...а ловят... красную рыбу семгу”, “ловят белую рыбу про свою нужду”. Прирост происходил главным образом, видимо, именно за счет притока русских переселенцев. К сожалению, документы XVI в. (как, впрочем, и более поздние) далеко не полностью отражают количество пришедших людей, но о географии мест выхода этих мигрантов они дают определенное представление. Среди жителей Пустозерска в 1575 г. было девять выходцев с Русского Севера и из других мест: Якуш Елисеев Вологженин, Иванко Псковитин, Федько Ер Кулояннин (с р. Кулы), Харка Немнюжанин (с р. Немьюги), Игнаш Калинин Волочанин, “новокрещены нагайские” Михалко Тулунтаев и Перша Казибердеев”, Митька Югритин (выходец из Югры) с сыном и Тиханко Юрьев Литвин (переселенец из Литвы) [80, с. 463-467, 480].

В 1542 г. появилось русское поселение на р. Печоре – Усть-Цильма, основанное новгородцами Иваном Дмитриевичем Ласткой и Власком. В 1544 г., сообщает Вычегодско-Вымская летопись, “пожаловал князь великий Иван новгородца Ластку да Власку Печорскими тонями и речками да слободкою на устье на Цильме, а копити тое слободку на князя великого безпенно и беспошлинно” [14, с. 264-265]. К основателям слободки быстро присоединились выходцы с Мезени, Пинеги, Северной Двины и даже из Карелии: “В келье Иванко Корела”, сообщила об одном из обитателей слободки платежная книга 1575 г. В 1575 г. здесь имелось 16 крестьянских двора и четыре двора церковнослужителей [80]. Со временем в Усть-Цильме сложилась своеобразнейшая группа севернорусского населения (“усть-цилёмы”), имеющая характерные особенности культуры и быта [51].

Между 1567 и 1576 годами появилось первое из ныне существующих коми селений в Печорском крае – Ижемская слободка (совр. село Ижма). Там поселились коми, к которым позднее присоединились русские из Усть-Цильмы (Чупровы), из Устюга (Иван Гаврилов сын Филипповых) и др. [51; 71, д. 366]. Так начала складываться наиболее своеобразная из групп коми – ижемская (изъватас), формирование которой завершилось в XVIII в.

В результате миграций усилились связи между коми и русскими, активизировался взаимообмен опытом ведения хозяйства. Исследователи отмечают, что “русские заимствования отмечаются во всех областях хозяйства и культуры коми”. Л.Н.Жеребцов писал: “Встреча с русскими земледельцами значительно продвинула вперед земледельческое хозяйство коми: появилась новая техника (русская соха...), улучшившая условия обработки земли, стали использовать удобрение..., изменилась система земледелия..., усовершенствовалась обработка зерна... Расширился ассортимент огородных и полевых культур: появились капуста..., огурцы..., свекла..., чеснок..., лук..., бобы..., морковь... и др.” Этот же ученый указывал на русские заимствования, способствовавшие прогрессу

скотоводства, а также на заимствования в области ремесла, охоты и рыбной ловли, в народном жилище и хозяйственных постройках, одежде, утвари и посуде, пище, в быте и духовной культуре [33].

Значительную роль в активном и бесконфликтном расселении русских крестьян в Коми крае сыграл субъективный фактор. Историк Л.В.Милов указывает на своеобразие менталитета российского крестьянства (связывая его формирование, в частности, с воздействием природно-климатических факторов) и на то, что этот менталитет способствовал максимальной контактности с представителями иных конфессий, а это имело громадное значение в практике миграций и мирного проникновения русского населения на новые территории [57, с. 569-570.]. Эти слова в полной мере можно отнести и к переселениям русских в Коми край, причем, как представляется авторам, уместно, во-первых, говорить о контактности не только с представителями иных конфессий, но и иных этносов, а во-вторых, понимать под российским крестьянством с его менталитетом не исключительно русское, но и крестьянство иных народов, формировавшихся в сходных природно-климатических условиях, и в частности, коми, особенно после того, как они в конце XIV–XV вв. стали православными.

Можно предположить, что сам менталитет местного населения в известной мере способствовал развитию миграционных процессов в регионе. В несколько гиперболизированном виде эта идея высказывалась рядом исследователей второй половины XIX – первой четверти XX в. П.П.Чубинский утверждал: «Пермяки охотно сменяют места поселений. Некоторые пермяки сменяют места поселения по два и по три раза в продолжение жизни, другие же из-за страсти к переходам сменяют их до 8 и 10» [88, с. 57]. О «расходчивости, расплывчатости, привычке уходить при первом неудобстве», от которой «происходили полуоседлость, отсутствие привязанности к одному месту», писал в «Истории России» С.М.Соловьев [83, с. 648]. Сходным образом высказывался о жителях Русского Севера С.Ф.Платонов [65, с. 21]. Разумеется, объяснять передвижения населения только склонностью последнего к «полуоседлой жизни» и другими субъективными факторами было бы ошибочно.

Однако нельзя не учитывать, что население Европейского Северо-Востока было тесно связано с промысловым хозяйством, и особенно с охотой, которая требовала длительного пребывания охотников вне родного дома, в пути, периодических временных переселений в отдаленные места охоты. В этих условиях постепенно выработывалось понимание необходимости миграций, своего рода привычка к переселениям (сначала временным, а затем – если возможности временных миграций себя исчерпывали – то и к постоянным). Таким образом, само отношение местного населения к переселениям (причем, очевидно, как к собственным, так и к миграциям представителей других этносов и, в частности, к их переселениям на этническую территорию коми или в соседние районы

совместного освоения) как к чему-то обыденному, само собой
разумеющемуся, оказывало определенное влияние на развитие
миграционных процессов.

АГРАРНЫЕ МИГРАЦИИ XVII – НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЙ

Приток русских переселенцев мог продолжаться и в последующее время (тем более что оставались практически незаселенными берега Печоры и ее притоков, верхняя Вычегда, Летка, верховья Лузы...), но ситуация изменилась. После вхождения во второй половине XVI в. в состав Русского государства Казанского и Астраханского ханств, укрепления там власти московских государей появилась возможность для освоения Поволжья, нижней Камы и нижней Вятки русскими. А после того, как рухнуло под ударами “государевых ратей” Сибирское ханство, перед русскими крестьянами открылись просторы Сибири и Приуралья. Эти более богатые по сравнению с Коми краем земли привлекли внимание множества людей.

Кроме того, во второй половине XVI в. довольно ярко проявился малый ледниковый период, во время которого возросло число экстремальных явлений природы. Скудость северных почв стала еще заметнее, и территория Коми края оказалась далеко не столь привлекательной для русских земледельцев, как ранее, когда более теплый климат в определенной мере компенсировал этот недостаток. Поэтому можно заключить, что к концу XVI столетия этап интенсивных аграрных миграций русских в Коми край завершился.

Сотни и тысячи переселенцев с Русского Севера, минуя Коми край, устремились за Урал, в Вятско-Камский регион и Поволжье. Конечно, отдельные переселенцы с Двины и других районов Русского Севера, из Карелии и иных регионов и в дальнейшем продолжали селиться в Коми крае и, в частности, в тех районах, через которые проходили пути в Сибирь и Вятско-Камский регион (нижняя Вычегда, Вымь, Луза и некоторые другие).

Материалы начала XVII в., сообщают о 45 пришлых людях. Места выхода указаны только у семи из них. Абсолютное большинство пришлых людей (38 человек) названы в дозорной книге просто “приходцами”. Откуда пришел тот или иной “приходец”, не говорится. Наличие относительно большого числа пришлых людей в Вычегодской земле (19) и на Выми (12) в начале XVII в. не случайно. Именно через эти районы проходил “Чрезкаменный” путь в Сибирь. В Княжпогостской и Ляльской волостях в 1608 г. жили Левка Латыш и Петрушка Латыш [1, с. 268, 294, 305, 319]. А.А.Зимин предположил, что последние могли быть военнопленными, вывезенными сюда во время Ливонской войны [63, с. 79]. Более вероятным представляется, однако, что эти “латыши” являлись выходцами из Карелии. Во-первых, по свидетельству А.С.Жербина, “латышами” в русских источниках того времени именовались карелы и финны, принявшие “латинскую веру” (лютеранство). Во-вторых, с 1580-х годов переселение карел в глубь русских земель приняло значительные размеры [16, с. 38, 42], и некоторые из мигрантов вполне могли дойти до

Коми края (тем более, что, как уже отмечалось, в Усть-Цильме выходец из Карелии жил еще в 1575 г.).

Можно предположить, что это были мигранты, направлявшиеся в указанные регионы, но решившие поселиться на еще имевшихся в Коми крае свободных земельных участках. П.А.Колесников писал, что хлынувшие за Урал “массы крестьян их Центрального и Западного Поморья не миновали восточных “перевалочных” уездов на пути в Сибирь. Это содействовало возникновению новых поселений” в этих уездах, в том числе и в Коми крае [44, с. 234]. Бегство жителей Поморья на восток стимулировалось в начале XVII в. нападениями интервентов и их пособников, которые, как сказано в одном из документов (1613 г.), “в Поморье... русских людей множество жгли и мучили, и грабили, и побивали” [47, с. 8]. Страдавшие от вражеского насилия люди бежали в более спокойные районы, такие как “Вычегоцские места”, которые, по словам Вычегодско-Вымской летописи, “божиею милостию... убереглися от супостатов” [14, с. 270].

Но массовый приток переселенцев на этническую территорию коми прекратился, селившиеся в крае иноэтничные мигранты уже не оказывали былого воздействия на развитие коми этноса. Характерно, что писцовые и переписные книги середины XVII в. содержат меньше сведений о пришлом населении. Всего в Яренском уезде и в Лузской Пермце (по Пустозерскому уезду данных нет) насчитывалось 27 мигрантов, пришедших в Коми край. Большинство из них (23) поселились на Нижней Вычегде – в Плесовской земле, нижневыхгодских волостях Вычегодской земли, Сойгинском монастыре и Вожамской волости Усть-Вымской вотчины, т.е. вне пределов современной Республики Коми. Именно с прекращением массовых миграций русских на территорию Коми края следует связать стабилизацию западной границы этнической территории коми в конце XVI – начале XVII вв., о которой писал Л.Н.Жеребцов [32]. Вместе с тем необходимо отметить, что, по нашему мнению, коми-русская этническая граница на западе в указанный период еще не была так четко оформлена, как сегодня. Можно говорить об определенной ее размытости, поскольку на нижней Вычегде (о чем говорилось выше), а также на нижней Лузе, Пинеге, Виляди, Немьюге и, возможно, нижней Вашке еще в XVII в. жили коми [19; 20]. Фиксация этнической границы по с. Спаспору на р. Лузе, у с. Межог на Вычегде, у д. Коптюги на Вашке и по водоразделам Вашки и Пинеге происходила постепенно, по мере обрусения последних групп коми, живших там. Этот процесс завершился, вероятно, только к началу XVIII в.

Пик малого ледникового периода (климатический минимум) в Коми крае пришелся на 30–40-е гг. XVII в. Температура понизилась, частыми явлениями стали различные стихийные бедствия (ранние заморозки, засухи или чрезмерно обильные дожди, град и т.п.). Это приводило к неурожаям, подрывавшим крестьянское хозяйство, вызывавшим голод и высокую

смертность населения. Естественно, это сделало регион мало привлекательным для переселенцев, и их число было весьма невелико. Так, в Прилузье писцовая книга Сольвычегодского 1645 г. упомянута лишь Оксиньца вятчанка в Спасском погосте (Спаспурб) [71, д. 452, л. 136]. Переписная книга Яренского уезда 1646 г. сообщает, что Григорий Исаков Вологжанин (из Вологды) поселился в Глотовой слободке, Иван Марков Мезенец (из Мезенского уезда) в погосте Кослан [15].

Отметим, что в коми селениях селились не только русские – выходцы из-за пределов края, но и обитатели расположенных в крае русских населенных пунктов. Так, в погосте Глотова слободка в 1646 г. жил “бобыль Опашка Киприянов сын Чюпров з детьми, с Матюшкою да с Ярафейком, да с Офоньюкою, да с Петрушкою”. Фамилия указывает на принадлежность ее владельца к числу жителей Усть-Цильмы. (Родоначальником Чупровых был, по всей вероятности, крестьянин по прозвищу Чюпра, живший в Усть-Цилемской слободке в 1575 г.) [80, с. 481]. Переписная книга Пустозерского уезда 1679 г. отметила в Усть-Цильме “двор пуст Конанка Чюпрова, а он сшол и живет ныне в Ыжемской слободке” [71, д. 366, л. 39 об.].

Несколько больше, чем в других районах, русских переселенцев в середине XVII в. было на нижней Вычегде. Это объяснимо: хотя для Коми края было характерно совместное проживание коми, русских, а в ряде случаев и представителей других национальностей, в одних и тех же населенных пунктах во многих районах, все же этническая среда в нижневыхегодских волостях была более привычной для русских переселенцев, нежели, скажем, на Выми, также лежавшей на Чрезкаменном пути в Сибирь (значение которого, впрочем, в течение XVII в. стремительно падало в связи с открытием более южных и более удобных дорог за Урал): если Вымская земля была населена коми, то на Нижней Вычегде абсолютное большинство жителей составляли русские. К тому же эта часть Коми края пострадала от неурожая в меньшей степени, чем Вымская земля (во всяком случае, сокращение числа жителей было здесь меньшим, чем на Выми).

Во второй половине XVII в., после того как пик малого ледникового периода прошел и хозяйственное положение в Коми крае улучшилось, расположенные в нем земли стали несколько больше привлекать мигрантов. Свою роль тут сыграл тот факт, что в результате запустения 1630–1640 гг. в ряде районов Коми края оказалось немало заброшенных земельных участков, которые легче было вернуть в хозяйственный оборот, чем расчищать новые. Поэтому часть мигрантов, направлявшихся в Сибирь и проходивших по территории Коми края, оставалась здесь. Так, в Лузской Пермце (через которую пролегал путь из Поморья в Прикамье и далее за Урал – так называемый Камский путь в Сибирь, пришедший на смену Печорскому “Чрезкаменному” пути), испытавшей в предшествующий период сильное запустение, писцовая книга Сольвычегодского уезда

1682 г. отмечено 184 мигранта, поселившихся в заброшенных ранее дворах. При этом наибольшее количество пришлых жителей было в Лоемском и Объячевском приходах (соответственно 47 и 43 человека), т.е. именно там, где запустение второй четверти XVII в., а следовательно, число заброшенных земельных участков было наибольшим; 28 пришлых людей насчитывалось в Ношульском приходе, 26 – в Спасском, 15 – на Летке [71].

К сожалению, место выхода можно определить у немногих. В Лоемском приходе поселился Григорий Прокопьев Шехонин (судя по фамилии – переселенец с р. Шехонь). Матвей Тырышкин (Лоемский приход) и Афанасий Тырышкин (Спасский приход), возможно, пришли с Вятки (Л.П.Лашук указывает на наличие Тырышкиных среди вятчан XVII в. [52, с. 137]. Михаил Пермьяков, поселившийся на Летке, был, надо полагать, родом из Прикамья (коми-пермяк). Оттуда же вышли, очевидно, и ношульские Мошеговы.

В Киберской волости на Сыsole переписной книгой Яренского уезда 1678 г. отмечены несколько мигрантов из-за пределов края. Среди них было 15 переселенцев с р. Юг (Фока Кононов Югов, Лева Денисов Югов и др.) и четыре переселенца из Костромы (Гурей Алферьев Костромин и др.) [15, с. 359-360]. В других волостях Сысольской земли пришлых людей не было. Надо полагать, в Киберскую волость переселенцы пришли из соседнего Прилузья, где мигрантов было в этот период довольно много. Дорога из Лузской Пермцы на Сысолу проходила как раз через Кибру. Переселенец из Мезенского уезда Яков Евдокимов с тремя сыновьями основал в 1674 г. на Верхней Вычегде, в Вишерской волости, починок Якуневской: "... поселился... пришед из Мезенского уезду Юромские волости деревни Засчерья" [15, с. 327]. В починке Усть-Пожег (ныне с. Пожег), основанном в 1676 г. сысольскими крестьянами, поселились Анкудин Петров с сыном, "а приходец он с Ваги", Лука Иванов, "а пришед поселился из Каргополя", и Архип, "а приходец он из Тотемского уезду" [15, с. 333]. В Ижемской слободке поселились отмеченные переписной книгой Пустозерского уезда 1679 г. "пустозерец Тимошка Матвеев сын Кожевиных и пустозерец посадцкий человек Лучка Афонасьев сын Голубков", "прихожий человек с Пинеги кевролец Пантелейко Иванов" [71, д. 366, л. 23—36 об.]. Отметим, что в "Истории северного крестьянства" помещена карта, на которой к числу "территорий, наиболее плотно заселенных русскими" в Коми крае в XVI – XVII вв., отнесены нижняя Сысола, Глотова Слободка, Вымь и средняя Вычегда [41, с. 161]. Вряд ли с этим можно согласиться. Если в устье Выми (Усть-Вымь) и в ее низовьях (Сереговское усолье) действительно проживало значительное (по масштабам Коми края) количество русских, то в остальных районах их число было невелико.

Десять переселенцев из-за пределов Коми края зафиксировано на Сыsole в переписной книге Яренского уезда 1707 г. В Усть-Сысольской волости, в починке на р. Челбе, поселились мигранты из Важского уезда

Федор Антонов Вагин с сыном Тимофеем (вероятно, первоначально они некоторое время жили на Нижней Вычегде, так как в документе о них сказано: “еренчане из Ылимской (?) волости”). В Пыелдинскую волость пришли карелы – Антон Андреев Корелин и его сыновья Михаил и Петр. В Киберской волости в 1707 г. жили братья Яков и Федор Гурьевы Костромины “родом Костромского уезда”. В Визенгской волости переписная книга 1707 г. упомянула трех человек по фамилии “Рочев”. Возможно, что это были русские переселенцы (от “роч” – “русский”), получившие свои фамилии от местных коми жителей [70, д. 476, л. 40 об., 191, 244, 271]. В Окваде поселился Василий Филипов Тетюков с сыном из деревни Векшиной Тотемского уезда. В Вишерской волости поселились четыре выходца из Сольвычегодского уезда: Яков Павлов Качаев с сыном в Подбельске, Марфа Ветошихина и Антип Ярафиев Ветошихин – в д. Макаровской. В Усть-Куломскую волость пришли девять переселенцев: Петр Севастьянов Вагин с сыном “родом Важеского уезда”, Федор Марков Седрочев с двумя сыновьями из Кеврольского уезда (все поселились в погосте Усть-Кулом), братья Аксен и Семен Елизаторы Кузнецовы из Сольвычегодского уезда и Василий Аксенов Жикин с сыном “родом Соли Камской”. [70, д. 476, л. 426, 429–429 об., 457 об., 471, 493, 494]. В Пыелдинской волости к 1747 г. появились деревни Чарина, в которой поселились несколько семей Чариных и Д.Е.Губкин (происхождение не известно; возможно, это были русские переселенцы).

В то время как в некоторые части Коми края приходило немало переселенцев (хотя и существенно меньше, чем в предшествовавший период), в соседних районах Поморья совсем иная картина. Устюжские воеводы писали во второй половине XVII в., что от бегства крестьян в Сибирь “учинилась в Устюжском и Усольском уездах великая пустота” [90, с. 46]. Власти стремились воспрепятствовать перемещению населения в восточные районы Поморья, даже когда это происходило в пределах одного уезда. Например, крестьянину Андреевского стана Сольвычегодского уезда Федору Кузьмину было запрещено селиться и владеть пашнями в Лоемском приходе Лузской Пермцы, “а велено ему ... жить по-прежнему в Андреевском стане” [71, д. 504, д. 358—358 об.].

Более теплый период способствовал усилению миграционной активности коми и русских жителей Европейского Северо-Востока в XVIII–XIX вв. Усть-цилемцы заселяли нижнюю Печору, Цильму, Пижму, ижемцы – среднюю Печору, Ижму, бассейн Усы [33; 51; 89]. Для нашего исследования важно отметить, что некоторые районы региона совместно осваивались переселенцами из коми и русских селений. Так, в 1731 г., в нижнем течении Нерицы (притока Печоры) возникла д. Нерич (Нерица), где поселились переселенцы из Ижмы Конан Иванов Бабикиев с сыном Василием, Андрей Иванов Бабикиев, Иван Софронов Бабикиев и Иван Федоров Артеев с сыном Андреем. В 1745 г. в Нерице насчитывалось 16 душ мужского пола [70, д. 2717, л. 103–104]. Во второй половине XVIII в. в

Нерице появились коми-ижемцы Филипповы; в то же время в селение стали приходить и русские переселенцы из Усть-Цилемской волости: об этом свидетельствует появление в 1782 г. в Нерице Чупровых, Семеновых и Федотовых. В 1782 г. в Нерице насчитывалось 69 жителей, в 1795 г. – 97 [3; 11, д. 2669, л. 1067–1071; д. 12, л. 831–835]. Л.П.Лашук полагал, что эту деревню основали усть-цилемцы в первой половине XIX в. [51, с. 140–141, 150–151]. Приведенные выше данные показывают ошибочность этого предположения, однако можно предположить, что именно на рубеже XVIII–XIX вв. усилился приток в Нерицу русских из Усть-Цильмы, в связи с чем ко второй трети XIX в. население деревни и Гаревы было, в основном, русским. Не случайно в 1837 г. граница между территориями расселения коми и русских проходила по устью Ижмы, а не близ устья Нерицы [51].

Переселенцев из других регионов на нижней Печоре было относительно немного. В первой половине XIX в. на Пижме появилась основанная русскими крестьянами д. Степановская, относившаяся первоначально к Лебской волости Мезенского уезда и только при X ревизии 1858 г. причисленная к Усть-Цилемской волости (в 1858 г. здесь жили 56 человек) [11].

Иначе обстояло дело на верхней Печоре. Наряду с расселением по ней и берегам ее притоков Илыча, Подчерья, Щугора верхневьегодских, а затем и верхнепечорских коми [18; 26] на рубеже XVIII–XIX вв. началось активное заселение верховьев Печоры и с противоположной стороны – выходцами из Прикамья. Первой не позднее 1794 г. была основана д. Усть-Волосница, относившаяся к Чердынскому уезду Пермской губернии [82, с. 143]. Ее первопоселенцами были русские (возможно, обрусевшие пермяки) из названного уезда. В 1809 г. в Усть-Волоснице было три двора [49, с. 743]. В 1802–1803 гг. уже существовал Усть-Пожег (Мамыль), в 1834 г. – Усть-Унья, в 1843 г. – Пачгино [82, с. 143]. Усть-Пожег, по преданию, основал крестьянин Афанасий из д.Пожег на верхней Вычегде, потомки которого носили фамилию Афанасьев. Позднее рядом с ним поселился выходец из коми-пермяцкой д.Мамыль (из Прикамья). Согласно другому варианту легенды, Афанасием звали беглого солдата по прозвищу Мамыль, осевшего по соседству с выходцем из Пожега. Л.Н.Жеребцов считал, что предки Афанасьевых были коми-пермяками. Между деревнями Мамыль и Порог пролегла граница между территориями расселения коми и русских на верхней Печоре [33]. Позднее, уже во второй половине XIX в., в относившихся к Чердынскому уезду верховьях Печоры возникли селения Гаревка, Усть-Бердыш, Собинская, Шайтановка, Светлый родник, Курья, Гаревая, Кусково, У Камешка, Узкое Плесо, Долгое Плесо и др., в начале XX в. – Якша и Чагина [23; 33, с. 123; 82, с. 143–144].

Еще один район, осваивавшийся с двух сторон коми и русскими (во второй половине XIX – начале XX в.) – самые верховья Лузы и верховья р. Моломы, впадающей в Вятку. Максимальные пределы расселения коми в этом районе были достигнуты к 1881 г.: на Лузе появились починки Луза

(Верхолузье), Черный мыс, к югу от них – Бадья и Тылай, севернее – Ула, Ношва и Кудышин (Худышино). Коми переселенцы появились даже близ р. Кузюг (приток Моломы), где основали поч. Кузюк (позднее – Зырянский или Пермский Кузюк) [18; 26; 30, с. 23; 54, с. 124]. По данным переписи 1917 г., в этих селениях жили коми-зыряне [60, д. 38, л. 62-123].

В дальнейшем к коми переселенцам присоединились русские из селений Вятской губернии, и освоение этого района шло совместно, поэтому достаточно четко этническая граница между коми и русскими в верховьях Лузы не оформилась. К 1916 г. близ Ношвы и Худышино были основаны починки Голодаево и Шабаргун (в первом жили коми-зыряне, национальный состав обитателей второго не известен). Еще 15 починков появилось ближе к Верхолузью, в треугольнике Ула–Кузюк Зырянский–Тылай. В их числе были как коми поселения (например, Большой или Нижний Тылай), так и русские (Казаково, Вазюк). На юге и юго-западе этническая граница коми по сравнению с 1881 г. не изменялась: Тылай и Зырянский Кузюк оставались крайними населенными пунктами, в которых проживали коми. По соседству с ними, чуть южнее или юго-западнее, возникли починки с русским населением Харламов Мыс (близ Тылая), Елховка и Плясы (в районе Зырянского Кузюка) [60, д. 7–27, 38]. В 1916–1918 гг. по соседству с Зырянским Кузюком и Плясами появился Русский Кузюк, а в верховьях Лузы были основаны пять починков, среди обитателей которых были как коми, так и русские (Нагибино, Володичи и др.). Эта территория входила в состав Усть-Сысольского уезда, а с 1921 г. – Коми автономной области и АССР до конца 30-х гг.

Приток переселенцев в остальные районы Коми края был невелик. Правда, российское правительство, исходя из низкой плотности населения региона, разрабатывало план переселения в Коми край большого количества русских крестьян из центральных губерний и даже латышей. В 1901–1902 и 1907–1909 гг. несколько специальных экспедиций обследовали Печорский уезд, верхнюю Лузу, Летку, верхнюю Вычегду. В конечном итоге подобные переселения были признаны невозможными, поскольку даже местные крестьяне не имели в своем владении достаточного количества удобной для ведения сельского хозяйства земли [41, с. 164-165; 85].

Особо упомянем о миграциях по религиозным мотивам. В начале XVIII столетия в нижнем течении Печоры, на берегу ее притока р. Пижмы возник новый русский населенный пункт. В 1713 г. группа раскольников основала там (на “Великих пожнях”) свой скит. В числе его основателей был Парфен Максимович Клокотов из Мезенского уезда и другие мезенские и пинежские крестьяне: Анкудиновы, Антоновы, Ончуковы, Кирилловы. Согласно приведенному С.В.Мартыновым свидетельству устьцилемской церковной летописи, в конце первой трети XVIII в. на р. Пижму переселилась группа устьцилемских староверов [56, с.14]. Другие исследователи сообщают о переселениях на Пижму русских старообрядцев

из Олонецкой губернии [40, с. 13; 53, с. 426]. В 1743 г. в скит был послан военный отряд; узнав о его приближении, свыше 70 жителей скита совершили самоожжение. Позднее сюда пришли другие старообрядцы [10]. В верховьях Печоры в XIX – начале XX вв. возникали селения русских староверов-«пустынников». В 1914 г. на Унье и других небольших реках этого района было обнаружено 38 расположенных в самых глухих уголках пустыней, где жили 74 чел. [82, с. 144–145]. Кроме расселения по удаленным уголкам края, имел место и приход старообрядцев в некоторые селения, в частности, в Керчомью [52].

ПРОМЫШЛЕННЫЕ МИГРАЦИИ

Новым явлением в развитии переселений в XVII столетии стали промышленные миграции. Во второй половине XVII в. на Выми появилось немало переселенцев из различных районов Коми края и из-за его пределов. Это было связано в первую очередь с возникновением и развитием солеваренного промысла в Серегово, владельцы которого нуждались в рабочей силе. Это было связано с расширением солеваренного промысла в Серегово. Сереговский промысел возник еще в XVI в., но до середины XVII в. разработки соли велись там небольшим количеством людей. Только во второй половине XVII в. его новые владельцы Панкратьевы решили увеличить соледобычу. Для этого требовались рабочие руки, и хозяева промысла привезли сюда своих крепостных – русских, поляков и карел. В самом Сереговском усолье жили Михаил Федоров Корелятин, Мартын Микулаев поляк и др. “Да выше Усолья на скотском дворе в наволоке за речкой Елью... живут крепостные ж люди корелетина Мишка Матвеев” и другие, “да поляки Давыдко Исаков” и другие. В деревне “на Кочииле Мироновской” жили “поляк Ивашко Анофриев сын Бутко” с детьми; в деревне Бадрас – “поляк Пронька Иванов” с детьми, в деревне Удор – “поляк Алешка Матфеев”. Всего у Панкратьевых было 15 русских крепостных, 10 карелов и 19 поляков [15, с. 289-290].

Кроме крепостных, в Усолье пришли работные люди из разных городов Поморья: Сольвычегодска, Солигалича, Холмогор, Устюга, из Важского, Тотемского и Мезенского уездов. В переписной книге Яренского уезда 1678 г. говорится: “Да у соляных же варниц 27 изб работных людей: в ызбе трубник Власко Артемьев сын Чюмаков..., а приходец он из Тотемского уезду: в ызбе кузнец Ивашко Михайлов сын Руссыкаев, ... а приходец он от Соли Вычегодской с посаду; ... в ызбе соловар Ивашко Иванов, ... у него брат Афонька, ... а прихотцы они от Соли Галецкой с посаду”.. и т.д. Всего на промысле Панкратьевых н на расположенном по соседству небольшом промысле О.Филатьева работало 44 человека, пришедших сюда из-за пределов Коми края [15, с. 289-290].

Пришлые люди жили и в других селениях Вымской земли (правда, в меньшем количестве, чем в Сереговском Усолье); появление некоторых из них также было связано с деятельностью Сереговского сользавода. В погосте Ляли в 1674 г. поселился Иван Герасимов Евтиных с сыном: “...пришел он Ивашко ис Тотемского уезду от хлебной скудости тому 4 год”. В д.Жеребовской (Веслянская волость) жил приказчик Ивана Панкратьева “Гриша Михайлов, сын Кондырев, у него сын..., а породы он Гришка польские земли, а крепок ему Ивану по купчим”. Среди жителей д.Ермолинской (Княжеская волость) переписной книгой 1678 г. назван “гостя Ивана Панкратьева купленной немецкие породы Петрушка Матвеев, у него дети Якушка да Онашко” (вероятно из пленных). Возможно,

пришлыми были и крестьяне, носившие фамилию “Немчинов” (Лазарь Лазорев Немчинов с сыном, жившие в погосте Онежье. Двором в деревне Кыроч (Княжеская волость) владел “Максимко Савин татарин”, переселившийся сюда из Казани (о его сыне, Степане Максимове, и внуке Лаврентии сказано, что они “родом Казанских татар” [15, с. 274, 277, 279, 281, 284—286; 70, д. 476, л. 759 об.].

Несколько подробнее следует остановиться на причинах появления в Коми крае выходцев из далекой Карелии. Как уже отмечалось выше, они селились на Европейском Северо-Востоке России еще в конце XVI в. В течение XVII в. миграции карел в русские земли усилились. Причиной этого был тяжелый гнет шведских властей (Столбовский мирный договор 1617 г. закрепил переход Карельского уезда к шведскому государству). “Для карельского народа единственным средством избавления от шведского ига оставался уход на территорию Русского государства” [16, с. 24, 38, 39]. Документы 1630 г. сообщают: “В Олонецкий погост и в иные погосты ...ис Карельского... уезду многие перебежчики бегают...”. 1641 г. крестьяне Карельского уезда жаловались: “Сего году с Корельского уезда летом забегало крестьян 125 семей за рубеж русской...”. Наиболее интенсивным было переселение карел в Россию в период русско-шведской войны 1656—1658 гг. Только в 1656—1657 гг. из Корельского уезда ушли 4108 семей [16, с. 62]. Всего до начала 1660-х годов в Россию ушло около 50 тыс. карел [62, с. 765].

Наибольшее количество переселенцев осело на северо-западе Русского государства. Но часть мигрантов уходила и дальше на восток – в сторону Вологодчины, Подвинья и Коми края. Это вызывалось попытками шведского правительства вернуть беглецов назад в Корельский уезд. Чтобы скрыть перебежчиков, русские власти отправляли их в более удаленные от границы уезды. По договору 1649 г. русское правительство обязалось выплатить Швеции 190 тыс. руб. в возмещение “убытков”, связанных с переселением карел в Россию. Карелы селились не только на дворцовых и черносошных землях, но и во владениях монастырей, помещиков, попадая таким образом в феодальную зависимость от частных владельцев. “Иногда помещики и монастыри, нуждавшиеся в рабочих руках, прибежали к насильственному закрепощению переселенцев” [16, с. 45, 51, 69, 74-75]. Часто карельские переселенцы переходили от одних владельцев к другим. Так они попали к владельцам Сереговского солеваренного промысла Панкратьевым, которые привезли их на Вымь.

В конце XVII – начале XVIII в. в Сереговском Усолье появилось 29 переселенцев: по шесть человек из Холмогор (Игнатий Андреев Колмогоров и другие) и Солигалича (Иван Иванов Морохин с братьями “Соли Галецкой уезда” и другие), по пять – из Устюга (Федор Леонтьев Пуховских “с Устюга с посада” и другие) и Мезенского уезда (Ларион Александров Мезенцов и другие), четыре – из Соль-Вычегодского уезда (Василий Патчезеров из “Сольвычегодского уезда Пачезерской волости” и

другие), трое – из Тотемского уезда (Зиновий Петров Тотменин с двумя сыновьями) [70, д. 476, л. 708—717 об.; д. 478, л. 261 об.—265 об.]. Все они работали на солеваренном промысле.

В XVIII в. промышленные миграции приобрели новое развитие в связи с становлением металлургической промышленности в крае. В 1755-1761 гг. в бассейне Сысолы были построены три чугунолитейных и железоделательных завода – Нювчимский, Нючпасский и Кажимский. (В 1777 г. устюжский купец А.Попов попытался построить завод на Малой Нюле в Спаспоровской волости, но это намерение не осуществилось. В 1790 г. недостроенный завод с плотиной, постройками и рудниками приобрели у наследника А.Попова владельцы Нювчимского завода Грибановы. Очевидно, этот завод находился в урочище «Завод» близ с. Зануля [67, л. 16]).

При заводах возникли поселки, где жили рабочие. Все заводские работы надлежало осуществлять «вольнонаемными людьми за добровольную плату»; владельцам Нювчимского завода, правда, было дано разрешение «на первый случай для обучения и мастерства купить... мужеска полу 40 душ», но этим дозволением не воспользовались. Как сообщали сами заводовладельцы, «все заводские внутренние и куренные работы и добыча руд производится вольнонаемными государственными... крестьянами, которые получаемыми от нас за работы деньгами оплачивают государственные подати и направляют свое домоводство». Это были государственные крестьяне Слободского и Вятского уездов, обученные заводскому мастерству. Они жили при заводах, но официально числились по ревизии на прежнем месте жительства, где и обязаны были платить подушный оклад [67]. Так на Сыsole стали складываться группы русского населения. К концу XVIII в., в 1799 г. на Нювчимском заводе в низовьях Сысолы имелось 126 работных и мастеровых людей, а на расположенных в верховьях реки Кажимском заводе – 35 мастеровых и 115 работных людей, Нючпасском заводе – трое мастеровых [63, с.160].

После того, как в 1797 г. император Павел I дозволил покупку крестьян для работы на заводах, владельцы Нювчимского завода высказали намерение приобрести 236 крестьян (121 муж., 115 жен.) в Ветлужском уезде Костромской губернии и Кадниковском уезде Вологодской губернии у обер-провиантмейстера Н.М.Походяшина и надворного советника Г.М.Походяшина [67]. По данным Н.Ф.Демидовой, эти 236 чел. были куплены в 1800 г. [63, с. 159]. Однако В.В.Политов пишет, что владелец Нювчимского завода Грибанов информировал Берг-коллегию в апреле 1801 г. о покупке у Г.М.Походяшина только 118 человек (56 муж., 62 жен.), «вероятно, уже живших при заводе как ранее «арендованные» Грибановым у владельца крестьян». Кроме того, в 1801 г. для Нювчимского завода были куплены в Петербурге три крепостных и получено разрешение на приобретение еще 63 человек [67].

Таким образом, реально численность жителей поселка при Нювчимском заводе почти не изменилась – поменялась лишь официальная «прописка» части из них. Если раньше заводские рабочие Нювчима, принадлежавшие Г.М.Походяшину, числились, видимо, по прежнему месту жительства (в других уездах), то после осуществления сделки их «прописали» в Нювчине. Оставшиеся крестьяне (более сотни), вероятно, были приобретены не в начале XIX в., а позднее, поскольку по ревизии 1816 г. в Нювчине числилось всего 111 крепостных (51 муж., 60 жен.), а к ревизии 1834 г. их число увеличилось уже до 184 чел., к 1850 г. – до 233 чел. На Кажымском заводе (не говоря уже про Нючпасский) крепостных числилось и того меньше – 58 чел. по ревизии 1816 г., 77 чел. по ревизии 1834 г. В середине XIX в. в Нювчине жили крепостные Забалуевы, Леушины, Воробьевы, Соколовы, Соболевы, Ефимовы, Савельевы, Творожниковы, Колесовы, Васильевы, Денисовы, Семечковы, Поповы, Леонтьевы и Пугаевы; в Кажиме и Нючпасе из крепостных, «кроме уже упомянутых, были также Курдюковы, Мелехины, Перваковы, Супрядкины, Миняевы, Гурьевы, Куварины, Косаревы, Двоглазовы и некоторые другие». Как отмечал Л.Н.Жеребцов, «носители этих фамилий и составили коренное население» поселков; к сожалению, определить их точное происхождение пока не представляется возможным. Необходимо подчеркнуть, что даже в 1859 г. часть работавших на заводах людей (Буровы, Серебренниковы, Глазырины, Маракулины, Шуплецовы, Кашины, Осетровы, Кармановы, Атепаловы) числилась государственными крестьянами Слободского уезда Вятской губернии [12; 28, с. 125-126]. В 1911 г. на Нювчимском заводе насчитывалось 106 рабочих, на Кажимском – 190, на Нючпасском – 50 [33, с. 121].

Уже в первые годы существования сысолевских заводов среди обитателей заводских поселков появились и немногочисленные коми. По данным В.В.Политова, к 1773 г. на Нювчимском заводе работали молотовый подмастерье Н.Мальцев из Вильгортской волости, мастер кричной тяги Т.Макаров из Небдинской волости, молотовый мастер Е.Шахов, подмастерья кричной тяги М.Попов и Г.Кузнецов, жившие вместе с семьями в поселке при заводе [67]. Позднее, к середине XIX в. там появились Белоголовы, Сурнины, Шараповы, Напалковы из сысолевских и вычегодских волостей, а затем Надуткины, Овериные, Князевы и др. В поселках при Кажимском и Нючпасском заводах коми было меньше (Тебеньковы, Панюковы и др.) [28, с. 126].

Упомянем еще и о том, что в начале XX в. в районе Вишеры предполагалось расселить безземельных крестьян, чтобы иметь рабочую силу для нефтяной промышленности, которую планировали развивать на Ухте, однако этот план не осуществился в первую очередь потому, что нефтеразведка в Ухтинском районе развивалась весьма медленно, и в правительственных кругах России существовали сомнения относительно перспективности разработки тамошнего месторождения.

Особо следует сказать, разумеется, об Усть-Сысольске. С преобразованием погоста Усть-Сысолы в город и уездный центр в 1780 г. здесь постепенно появилось некоторое количество русских – немалое по сравнению с другими коми селениями, однако все же составлявшее небольшой процент от общего числа горожан. К русским принадлежало большинство дворян, появившихся здесь в связи с образованием уездных органов власти, а также часть купцов (напр., Торокановские), духовенства, разночинцев и несколько представителей мещанства и др. сословий. В 1859 г. среди горожан было 109 потомственных и личных дворян, 36 представителей духовенства, 155 купцов, 2547 мещан, 42 государственных и помещичьих крестьян, 137 военнослужащих и 166 чел., принадлежавших к другим сословиям [23, с. 358]. В 1897 г. из 4464 устьсысольцев 3699 чел. считали родным языком коми («зырянский»), 736 чел. – русский, 20 чел. – польский, 2 – еврейский и 7 – другие языки. Таким образом, русские составляли 16,5% жителей города, другие представители некоми национальностей – 0,6%. 4025 чел. были местными уроженцами, 299 чел. (6,7% горожан) переселились сюда из других селений Вологодской губернии, 140 чел. из Москвы, Санкт-Петербурга, Одессы, Варшавы, из Сибири, Прибалтики, Казахстана, Белоруссии, Украины, с Кавказа, из Архангельской, Вятской, Пермской, Казанской, Уфимской, Воронежской, Новгородской и др. губерний [64]. Как отмечает М.Б.Рогачев, Усть-Сысольск наряду с заводскими поселками и районами межэтнических границ (Спаспоруб, Мамыль) «относился к зонам относительно интенсивных межэтнических контактов. Одним из следствий этих контактов было лучшее, по сравнению с селом, знание коми горожанами русского языка». В свою очередь, и большая часть приезжих, долгое время проживших в Усть-Сысольске, освоила коми язык [73, с. 9–10; 74].

УГОРСКИЕ И САМОДИЙСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В СЕЛЕНИЯХ КОМИ КРАЯ

Выше шла речь о переселениях в Коми край русских и представителей некоторых других народов, приходивших в регион с запада и (существенно реже) юга. Отношения коми с восточными соседями – вогулами (манси) и самоедью (ненцами) – далеко не всегда складывались мирно. Так, в XI–XII вв., на Вычегде выше устья Сысолы имелось древнекоми население. Об этом свидетельствуют могильники, обнаруженные археологами близ современных сел Сторожевск и Пезмог [48, с.139-191]. Однако в последующее время пермяне ушли из этих мест – возможно, из-за враждебных отношений с вогулами (манси), до XVI в. жившими на верхней Вычегде и Печоре [91, с. 9]. Известно, что вогулы предпринимали набеги на заселенные коми народом земли. Например, в 1392 г. они подступали к Усть-Выми, неделю простояли у стен городка, «погосты около тех мест разорили». В свою очередь, коми вместе с русскими дружинами участвовали в походах в вогульские земли [14]. Но, как справедливо отмечал Л.Н.Жеребцов, исследовавший культурно-исторические взаимоотношения коми с обскими уграми (хантами и манси), «нельзя считать, что коми с манси и ханты находились в состоянии постоянной вражды. Наоборот, в основном эти отношения были построены на мирной основе взаимного торгового обмена» [31; 33, с. 178–179].

Интересен вопрос о появлении первых представителей обских угров в селениях Коми края. Сохранившиеся источники XV–XVII вв. умалчивают о каких-либо представителях обско-угорских народов, оседавших в населенных пунктах Коми края, что и неудивительно, учитывая кочевой образ их жизни. Тем не менее исследователи предполагают, что отдельные представители обско-угорских народов, возможно, жили в населенных пунктах на нижней Вычегде уже в XV или XVI вв. По преданию, например, у епископа Герасима был слуга вогул [61, с. 71]. Л.П.Лашук предполагал, что при епископском дворе жили и другие вогулы – слуги и военнопленные, которым могли быть пожалованы рыболовные угодья на нижней Вычегде в районе Яренска, в связи с чем там появились названия с окончанием на «-луг (-лук)» (Базлуг, Казлук, Матлуг и Морготлуг), связанные с речными старицами (курьями). [52, с. 34]. Л.Н.Жеребцов в связи с этим высказал возражение, что пленным и слугам едва ли выделялись угодья в собственное пользование [33, с. 179]. Это возражение кажется тем более резонным, что упоминавшийся слуга епископа Герасима убил своего хозяина [72, с. 33–34], что соответствующим образом характеризует отношения между ними. Следует учесть, что и упоминание предания о слуге-вогуле, и предположение Л.П.Лашука о наличии других слуг-вогулов в Усть-Выми не имеют документальных подтверждений («Вычегодско-вымская летопись» сообщает, например, что епископ Герасим был убит «земскими подъячими» вследствие конфликта из-за

строительства храма и земельных угодий [14, с. 261]. Если даже у епископа и имелся слуга-вогул, то это могло быть единичным фактом.

Б.А.Серебренников предполагал, опираясь на названные топонимы, что в тех местах «в древнее время... была какая-то колония обских угров, близких по языку к хантам» [81, с. 5]. Вопрос о том, когда именно существовала эта колония, ученый оставил открытым. Л.Н.Жеребцов поддержал идею Б.А.Серебренникова и связал возникновение этой «колонии» с пожалованием нижневыхегодской волости Лена во владение мансийскому князю Игичею Алачеву в XVI в., в поместье которого, по мысли ученого, поселилась группа вогулов, занимавшаяся рыболовством и давшая своим угодьям вышеупомянутые названия [33, с. 179].

Однако это предположение также вызывает определенные возражения. И.Алачев получил волость Лену в свое владение лишь в конце XVI в., после проведения описания 1586 г., поскольку в писцовой книге 1586 г. волость Лена числится среди черносошных земель, и никаких упоминаний о ее принадлежности частному владельцу нет [38, с. 447-448]. Можно предположить, что это произошло в конце 80-х – начале 90-х гг. XVI в., когда на землях обских угров стали строиться русские городки Лозьва, Пелым и Березов, и в качестве своего рода компенсации кодскому князю И.Алачеву пожаловали земли по другую сторону Урала. Впрочем, «компенсация», видимо, не удовлетворила Алачевых, поскольку в 1608 г. княжеская семья «измену норовила супротив русаков и пермяков», в результате чего волость Лена была отобрадена из владений семьи Алачевых назад «на черные земли», т.е. в государственные владения [14, с. 269].

Поскольку волость перешла к Алачеву после 1586 г., то и манси могли поселиться в его поместье и дать угодьям свои названия тоже только после этого. Однако уже в сотной с писцовой книги 1586 г. упомянуты деревни Базлуг и Другой Базлуг в волости Вадья (расположенной по соседству с волостью Леной) [38, с.449]. Следовательно, эти деревни получили свои названия еще до появления в Ленской волости людей Алачева (если они вообще там селились – никаких документальных подтверждений этого не имеется). Две деревни – Базлуг (Базлук) и «того же Базлука» – возникли, действительно, между 1586 и 1608 гг., то есть в период, когда Ленская волость находилась во владении Алачевых, но они расположены не на территории волости Лена, а на значительном отдалении от нее, в Окологородной волости, причем выше г. Яренска по Вычегде, т.е. в местности, которая к владениям Алачева не относилась. Данных о существовании или отсутствии деревень Матлуг («Матлуз») и Базлуг (Базлук) в 1586 г. нет, поскольку та часть сотной 1586 г., где идет речь об этой местности, утрачена. Однако согласно дозорной книге Яренского уезда 1608 г., обе эти деревни тоже находились за пределами принадлежавших Алачеву земель – в Окологородной волости (ниже г. Яренска по Вычегде) [1]. Д. Казлук появилась только в 1710–1719 гг. и также располагалась не в Ленской, а в Окологородной волости выше

Яренска [70]. Данных по возникновению и точному местоположению выселка Морготлуг у нас нет; ясно лишь, что это селение возникло существенно позже остальных, названных выше.

Таким образом, возникновение топонимов с окончаниями «-луг (-лук)» никак не связано с предполагаемым появлением в волости Лене вогулов семьи Алачевых, поскольку объекты, носящие эти названия, не имеют отношения к данной волости. Следовательно, упомянутые топонимы не могут свидетельствовать в пользу гипотезы Л.Н.Жеребцова о проживании вогулов в волости Лена. Эти названия, данные, по предположению Б.А.Серебренникова, курьям (от которых затем получили свои имена и основанные позднее в тех же местах селения) могли возникнуть еще до изучаемого в настоящей работе исторического периода – в связи с этим уместно упомянуть о мнении ряда исследователей, связывающих предшествовавшую древним коми ванвиздинскую культуру с угорскими племенами [58].

Однако это не единственное возможное объяснение. Б.А.Серебренников напомнил, что вогулы обитали на верхней Вычегде еще в середине второго тысячелетия н.э. [81]. И если тогда вогулы, как уже говорилось выше, вытеснили с верхней Вычегды коми население, то в это время, возможно, имел место какой-то приток обско-угорских племен в Вычегодский край, и одна из групп переселенцев могла продвинуться существенно ниже по Вычегде (тем более что в районе между устьями Сысолы и Выми коми поселений не было еще долгое время [17; 18; 30], да и нижняя Вычегда была заселена значительно слабее, чем Вымь, где в XII–XIII вв. сосредотачивалась основная часть пермян [25; 76]). Учитывая, что, с одной стороны, по данным археологов, древние коми обитали в районе Сторожевска и Пезмога еще в XII в. и ушли оттуда позднее, а с другой – что в эпоху Стефана нижнюю Вычегду населяли только пермяне (ни о каких вогулах или иных народах в этом районе источники не сообщают), следовательно, переселение вогулов на нижнюю Вычегду в район Яренска, видимо, могло произойти после XII и до XIV в. – в XIII столетии. А в последующее время, в конце XIII–середине XIV вв. обитатели названного района либо ушли на верхнюю Вычегду под давлением древних коми, чья численность на нижней Вычегде постепенно увеличивалась, либо (что, на наш взгляд, менее вероятно) смешались с пермянами. Впрочем, это, разумеется, всего лишь наша гипотеза, требующая дальнейшего рассмотрения.

Взаимоотношения коми с самоедью (ненцами) тоже складывались непросто. Первые контакты между этими народами, видимо, относятся еще к XII–XIII вв., когда на Ижме близ устья Ухты возникло небольшое городище, которое исследователи связывают с пермью вычегодской [66; 77]. Учитывая, что городище располагалось на пути из Двинского бассейна в Печорский край, мы полагаем, что можно соотнести его появление с каким-либо из походов новгородцев на Печору и в Югру (известны,

например, походы 1096, 1187 и 1193 гг.); в этих походах, как считал Л.Н.Жеребцов, вполне вероятно, принимать участие коми [33, с. 158], которые и могли поселиться близ устья Ухты. Видимо, городище должно было служить опорным пунктом при продвижении на Печору; возможно также, что оно (как предполагают С.М.Плюснин и А.В.Волокитин) предназначалось для прикрытия устья Ухты (точнее, очевидно, северо-восточных подступов к Коми краю) от вражеских – скорее всего, ненецких – набегов. По мнению археологов, городище существовало недолго и могло быть сожжено [66, с. 12]. Не исключено, что сожжение городища могло стать ответом самоеды на вторжение очередного новгородского отряда. Известно, например, что отряд новгородцев в 1187 г. понес значительные потери «в Печоре» [72, с. 10]. Естественно, что в тех условиях оседание каких-либо ненцев по своей воле в коми поселениях было исключено; разве что самоедские аманаты (заложники) могли содержаться, например, в том же городище на Ижме.

Новые поселения, в которых жили коми и русские, появились на Печоре только на исходе XV и в XVI вв. (Пустозерск, Усть-Цильма и Ижма). Отношения между ненцами и коми-русским населением были весьма напряженными еще на протяжении двух с половиной столетий (о чем, в частности, свидетельствуют неоднократные нападения ненцев на Пустозерск) [4; 33]. Однако с этого времени контакты коми и ненцев стали теснее, следствием чего стало, например, появление оленеводства в XVII в. у пустозерских коми, а в XVIII в. – у ижемцев [39, с. 21; 51, с. 101]. А в XVIII в., и особенно во второй его половине, наблюдается определенная стабилизация этнических взаимоотношений между народами этого региона. Этому способствовало и укрепление российских административных властей, и изменения, произошедшие в хозяйстве и родовом строе ненцев. Развитие товарно-денежных отношений стимулировало хозяйственно-культурные контакты ненцев с коми и русскими, способствовало улучшению отношений между ними [9, с. 122–131; 33, с. 161]. Одним из результатов этого стало появление ненецких жителей в коми и русских селениях региона.

В переписных книгах второй половины XVII – начала XVIII вв. впервые документально зафиксированы появившиеся в селениях Ижемского и Вычегодского края самоедины (ненцы) и остяки (ханты). К представителям этих же или близких им народов следует, вероятно, отнести людей “иноземской” и, возможно, “мунгальской породы”, также упомянутых в источниках. В Ижемской слободке поселились отмеченные переписной книгой Пустозерского уезда 1679 г. семь перешедших к оседлости ненцев: “...два самоедина новокрещенных Петрушка... да Федька”, “самоедин новокрещен Ганка” и т. д. В Усть-Цилемскую слободку пришел на жительство один ненец [71, д. 366, л. 23–36об.]. В Яренске в начале XVIII в. жили “иноземской породы и остяцкой девки Анна 12 лет, Ульяна 11 лет” и “самоедин Петр Данилов”. В погосте Ирта

переписной книгой Яренского уезда 1707 г. отмечен Иван Федоров “мунгальской породы”, в Лене – “крепостные мунгальской породы” Иван Тимофеев, Перфирий Ларионов и Осип Иванов, в Жешарте – “самоядской породы” Мартемьян Дорофеев, в Окологородье – “дворовые люди иноземской породы Василей..., Андрей..., Маремьяна” [70, д. 476, л. 6, 107, 208–208об., 504; д. 478, л. 9, 26]. Хотя в целом количество ненцев и тем более обских угров, оседавших в различных селениях Коми края, оставалось крайне мало и в последующие полтора столетия, однако сам этот факт свидетельствовал о возможности совместного проживания представителей различных народов в Коми крае, о налаживании хозяйственно-культурных контактов между ними.

Только в XIX в. ненцы стали в более значительных масштабах селиться вместе с коми в бассейне Усы. В 1823 г. началась постепенная христианизация ненцев. В 1829 г. были выделены деньги на постройку трех церквей в тундре. Одна из них была построена на месте современной Колвы в 1830 г. и освящена 25 марта 1831 г. В последующие годы у церкви стали селиться переходившие к оседлости ненцы. Так, в 1840-х гг. несколько семей ненцев-оленоводов лишились своих стад из-за эпизоотий и вынуждены были перейти к оседлости. В.Н.Латкин упомянул в дневнике 1843 г. Колвинский погост, где имелись два дома священнослужителей и семь домов оседлых оленеводов. Позднее к ним присоединились другие [50]. Оседлые ненцы очень часто женились на коми девушках. В 1859 г. в с. Колвинском (Колва), обозначенном как «самоедская колония», насчитывалось 20 дворов, 93 жителя, в 1909 г. – 65 дворов. Исследователи изучили в 1909 г. 50 из 65 дворов; в 47 из них владельцами были ненцы, в двух – коми, в одном – русские. Однако, согласно полученным исследователями данным, абсолютное большинство ненцев не знало ненецкого языка (к ним принадлежала вся молодежь) или плохо владело им, пользовались же они коми языком. Этому способствовало то, что в 33 ненецких дворах женщины были коми [55]. Не случайно во второй половине XIX в. отмечалось, что «браки между самоедами и зырянами весьма часты» [33, с. 168–169; 61, с. 396]. Выселок Адзъвавом (Иг, Совета) основал в 1879 г. перешедший к оседлой жизни оленевод-ненец. В 1905 г. здесь имелся один двор, в котором жили 19 человек. Затем к ненцким первопоселенцам присоединились три коми-ижемских семьи из Мохчи и Сизябска (в 1906, 1908 и 1909 гг.) [55]. Совместное проживание народов позволяло изживать былое недоверие друг к другу, ускоряло взаимообмен опытом ведения хозяйства, адаптации к сложным условиям жизни на Полярном Севере.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложенный выше материал свидетельствует, что на протяжении всего изучаемого периода имел место приток иноэтничных переселенцев на территорию, заселенную коми народом. Однако интенсивность этих переселений, а также их характер в разное время заметно различались. Мы считаем возможным предложить такую периодизацию этого процесса. В течение первых четырех веков существования коми народа (XI–XIV) иноэтничные (в основном, русские) переселенцы оседали в большинстве своем на окраинах (главным образом, западных) этнической территории коми. Имели место лишь отдельные вкрапления их в центральных частях края, причем в виде административных и торгово-ремесленных центров: (Пожегское и Карыбийское городища, а также Усть-Вымский городок – резиденция епископов Пермских. Этот этап можно условно, имея в виду приток мигрантов в центральные районы Коми края, назвать временем административно-торговых миграций.

В XV в. наступил второй этап в переселениях иноэтничного (в подавляющем большинстве – по-прежнему русского) населения в Коми край. На новом этапе началось более активное продвижение русских вверх по Вычегде, Лузе, Вашке, сопровождавшееся строительством земледельческих поселений. Второй этап можно охарактеризовать как время интенсивных аграрных переселений. Он завершился к концу XVI столетия в связи с ухудшением климата, что препятствовало ведению на Севере земледельческого хозяйства, и включением в состав Русского государства более пригодных для аграрной колонизации регионов (Поволжье, Южное Приуралье, Сибирь).

Для третьего этапа, начавшегося на рубеже XVI–XVII столетий и продолжавшегося до конца XVIII в., было характерно, во-первых, значительное ослабление (но не полное прекращение) притока в Коми край иноэтничных (русских) земледельцев, селившихся, главным образом, вдоль пролежавшего через Прилузье нового пути в Сибирь, во-вторых, появление промышленных миграций (переселения в поселки при возникших в регионе заводах), а в третьих, несколько более разнообразный, чем на предшествовавшем этапе, этнический состав мигрантов, селившихся на заселенной коми народом территории (не только русские, которые, разумеется, численно преобладали, но и карелы, поляки, ненцы и некоторые другие). Кроме того, на этом же этапе в связи с образованием на этнической территории коми первого города Усть-Сысольска начались переселения в город служилого дворянства и некоторых других категорий жителей, однако эти миграции еще не получили сколь-либо значительного размера.

Наконец, четвертый этап (XIX – начало XX в.) – это время, когда, во-первых, заметно увеличилось число некоми населения в г. Усть-Сысольске. Во-вторых, потепление климата способствовало усилению

земледельческого и промыслового освоения региона, возникновению новых поселений. В этот период иноэтничные мигранты селились в подавляющем большинстве на окраинах этнической территории коми – в основном, в верховьях Печоры и в районе верховьев Лузы и Моломы. Эти районы, а также бассейн Усы, Усть-Сысольск и заводские поселки стали зонами активных этнокультурных контактов коми с иноэтничным населением (в первую очередь, с русскими и ненцами), в ходе которых происходил взаимообмен опытом адаптации к сложным условиям жизни на Севере.

В процессе миграционных процессов происходило формирование населения региона, своеобразных этнических групп коми, русского и ненецкого народов. Заметно изменился национальный состав жителей в некоторых районах, более многообразным стал он и в крае в целом. Определенное представление об этом дают данные первой Всеобщей переписи населения России 1897 г., содержащие информацию о населении уездов, в состав которых входила территория Коми края. 92,32% сельского населения Усть-Сысольского уезда считали родным языком коми, 7,62% – русский, а польский, еврейский и некоторые другие языки были родными лишь для 0,06 % жителей уезда. Среди горожан удельный вес коми был ниже, чем в целом по уезду, но и в г. Усть-Сысольске зыряноязычное население составляло подавляющее большинство (82,86%). Русские составляли 16,49% усть-сысольцев, поляки (ссылные) – 0,45%, евреи – 0,05% и все остальные – 0,15%. В Яренском уезде сельское комиязычное население составляло 68,9%, русскоязычное – 30,9%. Всего в обоих уездах коми составляли 84,42%, русские – 15,48%. В Печорском уезде коми язык был родным для 62,79% населения, русский – для 29,25%, ненецкий – для 7,9%, польский – для 0,03%, другие языки – для 0,03% населения. Подобное соотношение сохранилось и в начале XX в.

Важно, что совместное проживание представителей разных народов на одной территории, зачастую – в одних населенных пунктах не вызывало конфликтов на этнической почве. Коренное население принимало переселенцев в свою среду, пришлые жители учитывали исторически сложившиеся реалии местной жизни. Обе стороны были заинтересованы в налаживании дружеских связей, усваивании новых методов ведения хозяйства, достижений культуры. Процесс вселения в Коми край инонациональных мигрантов становился привычным, обыденным, не вызывающим протестов или недовольства явлением. Таким образом в течение многих веков складывались исторические предпосылки для формирования многонационального населения Республики Коми.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Акты времени правления царя Василия Шуйского. М., 1914.
2. Археология Республики Коми. М., 1997.
3. Архив Санкт-Петербургского филиала ИРИ РАН. Ф.10, оп.3, д.365.
4. Бахрушин С.В. Самоеды в XVII в. // Научные труды. М., 1955. Т III.
5. Бондаренко О.Е. Население Коми края в конце XIX в.// Коми крестьянство в эпоху феодализма и капитализма. Сыктывкар, 1983. С.154-163.
6. Борисенков Е.П. Климат и деятельность человека. М., 1982.
7. Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII вв. Л., 1983.
8. Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988.
9. Васильев В.И. Проблемы формирования северо-самодийских народностей. М., 1979.
10. Гагарин Ю.В. История религии и атеизма народа коми. М., 1978.
11. Государственный архив Архангельской области. Ф. 51, оп. 11, д. 12, 2669, 2683; Ф. 1548, оп. 1, д. 9, 17, 48.
12. Государственный архив Вологодской области. Ф. 388, оп. 1, д. 8446, 8465, 8467; оп. 9, д. 54-56; оп. 10, д. 61; оп. 13, д. 62.
13. Давыдов В.Н. Присоединение Коми края к русскому государству. Сыктывкар, 1977.
14. Документы по истории коми // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 241-271.
15. Документы по истории народа коми. Сыктывкар, 1985.
16. Жербин А.С. Переселение карел в Россию в XVII в. Петрозаводск, 1956.
17. Жеребцов И.Л. Население Коми края во второй половине XVI – начале XVIII в. Екатеринбург, 1996.
18. Жеребцов И.Л. Коми край в XVIII – середине XIX века: территория и население. Сыктывкар, 1998.
19. Жеребцов И.Л. Население Коми края в конце XV – начале XX века: численность, миграции, этнический состав. Сыктывкар, 2000.
20. Жеребцов И.Л. Коми компонент в составе населения нижней Вычегды и Немьюги во второй половине XVI – начале XVIII века // Генезис и эволюция традиционной культуры коми. Сыктывкар, 1989.
21. Жеребцов И.Л. Численность населения Коми края по данным переписей 1916-1918 гг. // Крестьянство Европейского Севера России в XVII-XX вв.: проблемы изучения. Сыктывкар, 1993. С.54-62.

22. Жеребцов И.Л. Историография историко-демографических исследований в Республике Коми // Историография Коми. Сыктывкар, 1999.
23. Жеребцов И.Л. Где ты живешь. Населенные пункты Республики Коми: историко-демографический справочник. Сыктывкар, 2000.
24. Жеребцов И.Л. Основные этапы этнодемографического развития народа коми. Сыктывкар, 1995.
25. Жеребцов И.Л., Королев К.С. Климатический фактор в истории коми. Сыктывкар, 2000.
26. Жеребцов И.Л., Рогачев М.Б. Этнодемографическая ситуация в Коми крае (конец XIX в. – 1980-е гг.). Сыктывкар, 1993.
27. Жеребцов И.Л., Савельева Э.А., Сметанин А.Ф. История Республики Коми. Сыктывкар, 1996.
28. Жеребцов Л.Н. К изучению культуры и быта горнозаводского населения Коми края (II половина XIX – начало XX вв.) // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1962. Вып. 7. С. 121-138.
29. Жеребцов Л.Н. Хозяйство, культура и быт удорских коми в XVIII – начале XX века. М., 1972.
30. Жеребцов Л.Н. Расселение коми в XV – середине XIX в. Сыктывкар, 1972.
31. Жеребцов Л.Н. Этнические и культурно-исторические связи коми с финно-уграми и самодийцами. Сыктывкар, 1974.
32. Жеребцов Л.Н. Формирование этнической территории коми. Сыктывкар, 1977.
33. Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982.
34. Жеребцов Л.Н. Формирование этнографических групп коми (зырян) // Финно-угорский сборник. М., 1982. С. 96-111.
35. Жилина Т.И. Верхнесысольский диалект коми языка. М., 1978.
36. Жилина Т.И. Лузско-летский диалект коми языка. М., 1985.
37. Жилина Т.И., Бараксанов Г.Г. Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. М., 1971.
38. Зимин А.А., Копанев А.И. Материалы по истории Вымской и Вычегодской земель конца XVI в. // Материалы по истории Европейского севера СССР. Вологда, 1970. Вып. 1.
39. Иславин В. Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб., 1847.
40. Истомин Ф.М. Предварительный отчет о поездке в Печорский край // Известия Императорского Русского географического общества. СПб., 1890. Т. XXVI. С. 1-28.
41. История Коми АССР. Сыктывкар, 1978.
42. История северного крестьянства. Архангельск, 1984. Т. 1: Крестьянство Европейского Севера в период феодализма.

43. Колесников П.А. Миграция северного крестьянства в XVI – начале XVIII в. // Материалы по истории Европейского севера СССР. Вологда, 1970. Вып. 1. С. 353-374.
44. Колесников П.А. Северная деревня в XV – I половине XIX в. Вологда, 1976.
45. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Происхождение и этническая характеристика // Народы Поволжья и Приуралья. М.: Наука, 2000. С. 18 – 40.
46. Конаков Н.Д., Котов О.В. Этноареальные группы коми. М., 1991.
47. Копанев А.И. Крестьяне Русского Севера в XVII веке. Л., 1984.
48. Королев К.С. Население средней Вычегды в древности и средневековье. – Екатеринбург, 1997.
49. Кривошеков И.Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь, 1914.
50. Латкин В.Н. Дневник во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 годах // Записки Императорского Русского географического общества. СПб., 1853. Т. VII.
51. Лашук Л.П. Очерк этнической истории Печорского края. Сыктывкар, 1958.
52. Лашук Л.П. Формирование народности коми. М., 1972.
53. Мальшев В.И. Археографическая экспедиция в Усть-Цилемский район Коми АССР // Труды отдела дореволюционной литературы Института русской литературы. М.- Л., 1955. Т. XI.
54. Мальчевский. Список населенных мест Вологодской губернии. Вологда, 1881.
55. Мамадышский Н.Н. Усинский край. Подворно-экономическое исследование поселений р. Усы Печорского уезда в 1909 г. Архангельск, 1910.
56. Мартынов С.В. Печорский край. Очерки природы и быта. Население, культура, промышленность. СПб., 1905. Т. 2.
57. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
58. Мурыгин А.М., Королев К.С, Ляшев В.А. Миграционный фактор в развитии средневековых культур Северного Приуралья. Сыктывкар, 1984.
59. Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951.
60. Национальный архив Республики Коми. Ф. 719, д. 7-38.
61. Немирович-Данченко В.И. Страна холода. Виденное и слышанное. СПб., 1877.
62. Очерки истории СССР (XVII в.). М., 1955.
63. Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар, 1955. Т. 1.

64. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. СПб., 1899. Вып. I. Тетрадь 1, 2; СПб., 1904. Вып. I. Тетрадь 3; СПб., 1901. Вып. VII. Тетрадь 1; СПб., 1904. Вып. VII. Тетрадь 2.
65. Платонов С.Ф. Прошлое Русского Севера // Очерки по истории колонизации Поморья. Пг., 1923.
66. Плюснин С.М., Волокитин А.В. Средневековое городище на Ижме // Родники пармы-90. Сыктывкар, 1990. С. 11–12.
67. Политов В.В. Развитие металлургической промышленности в XVIII в. в Коми крае // Научный архив КНЦ УрО РАН. Ф. 5, оп. 2, д. 273, 55 л.
68. Полное собрание русских летописей. Л., 1982. Т. 37.
69. Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI—начале XVIII в. М., 1972.
70. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.350, оп.1, д.476-478; оп.2, д.151, 157, 2717, 3320, 3331, 3334, 3350, 3835, 4214, 4717.
71. РГАДА. Ф.1209, оп.1, д.366, 446, 452, 504, 1098, 15039, 15053, 15058.
72. Рогачев М.Б. Летопись Коми края в XI – начале XVII в. М., 1998.
73. Рогачев М.Б., Цой А.И. Усть-Сысольск: страницы истории. Сыктывкар, 1989.
74. Рогачев М.Б. Коми городская мещанская семья в XIX в. // Вопросы этнографии народа коми. Сыктывкар; 1985. С. 123-139.
75. Савельева Э.А. Пермь вычегодская. М., 1971.
76. Савельева Э.А. Вымские могильники XI–XIV вв. Л., 1987.
77. Савельева Э.А. Этнокультурная история Европейского Северо-Востока в эпоху средневековья. Сыктывкар, 1995.
78. Савельева Э.А. Европейский Северо-Восток в эпоху средневековья. М., 1995.
79. Савельева Э.А., Кленов М.В. Пожегское городище. Сыктывкар, 1992.
80. Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. М.–Л., 1950.
81. Серебренников Б.А. Историко-лингвистические заметки // историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1962. Вып. 7.
82. Сивоха И.Н. Селения в верховьях Печоры // Родники пармы. Сыктывкар, 2000. Вып. 5. С. 143–145.
83. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. II.
84. Сорвачева В.А. Нижневычегодский диалект коми языка. – М., 1978.
85. Сорокин П.А. Печорская экспедиция и колонизация зырянского края // Известия Архангельского общества изучения русского Севера. 1911. № 8-9.

86. Фаузер В.В. Проблемы формирования населения Республики Коми. М., 1993.
87. Чебоксаров Н.Н. Этногенез коми по данным антропологии // Советская этнография. 1946. № 2.
88. Чубинский П.П. О состоянии хлебной торговли и производительности в Северном районе. СПб., 1870.
89. Чупров В.И., Сметанин А.Ф., Попов А.А. Усть-Цильма – край печорский. – Сыктывкар, 1991.
90. Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков. М.-Л., 1946.
91. Этническая история народов Севера. М., 1982.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Начальный этап русских миграций на Европейский Северо-Восток (XI– середина XV века).....	5
Интенсивные земельные миграции русских и формирование населения Коми края в конце XV – XVI веках.....	7
Аграрные миграции XVII – начала XX столетий.....	15
Промышленные миграции.....	23
Угорские и самодийские переселенцы в селениях Коми края.....	28
Заключение.....	33
Литература и источники.....	35

Игорь Любомирович Жеребцов
Евгений Николаевич Рожкин

**МИГРАЦИИ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
ФОРМИРОВАНИЯ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО НАСЕЛЕНИЯ
РЕСПУБЛИКИ КОМИ (ДО НАЧАЛА XX ВЕКА)**

Рекомендовано к изданию Ученым советом
Института языка, литературы и истории
Коми научного центра УрО Российской АН

Редактор Н.К.Забоева
Оригинал-макет Н.К.Забоева

Лицензия № 0047 от 10.01.1999 г.
Подписано в печать 14.06.2001 г. Формат 60x84/16.
Уч. изд. л. Усл. п.л. Заказ №
Тираж 500 экз.